

Секция «История социально-политических учений России»
К вопросу о самосознании русского народа в политической теории

К.Н.Леонтьева

Убирия Изабелла Феликсовна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: iubiriya@gmail.com

Рассматривая взгляды выдающегося русского консерватора XIX века К.Н. Леонтьева на самосознание современного ему российского общества необходимо отметить, что его воззрения складывались под влиянием идей не только славянофилов А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, но и теоретика «русского социализма» А.И. Герцена [См.: 1; 14]. В частности, с Герценом Леонтьев был солидарен в непримиримом отношении к ценностям европейского буржуазного общества. Леонтьев даже отмечал, что: «со стороны же исторической и вообще жизненной эстетики, — я чувствовал себя несравненно ближе к Герцену, чем к настоящим Славянофилам...

Читая только Хомякова, Аксакова (даже скажу и Каткова отчасти), — в голову бы не пришло ненавидеть всесветную буржуазию (в которую, в сущности, стремится перейти *и работник Западный*); — Герцен же издевался *прямо над этим* общим и подавляющим *типом* человеческого развития. — И следуя за ним по сродству "природы", я придумал позднее и выражение "средний человек, средний европеец" и т.д.» [4, с. 155]. Европа представлялась Леонтьеву достигшей окончательного тупикового состояния. Схожий взгляд на европейскую историю сложился и у Герцена. У последнего он был продиктован неприятием буржуазной западной цивилизации и механистического подхода к общественному развитию [См.: 2, с. 67; 10, с. 419; 12, с. 219-222].

Соглашаясь с Герценом, Леонтьев не мог допустить того, чтобы образ массовой культуры, насаждаемый современной ему европейской цивилизацией, уничтожил самосознание русского народа. Подобные опасения Леонтьева, в первую очередь, были связаны с размытием эгалитарным либерализмом человеческой личности, лишением народа его национальной самобытности и своеобразия, угнетением и уничтожением оригинальных культурных форм [9, с. 78 - 88].

Веря в великое призвание России, в ее миссию по спасению Европы, Леонтьев полагает, что русским «*надо совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, стать, наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества*» [7, с. 104].

Именно сильное государство и православная вера являются необходимыми условиями для сохранения национального своеобразия и самосознания российского общества. Поэтому единственный закон, приемлемый для Леонтьева, - тот, который учитывает государственные интересы России и православной веры: «...*в настоящее время для верующего человека (какой бы национальности он ни был) Россия должна быть очень дорога, как самый сильный оплот Православия на земле. Люди слабы, им часто нужна опора внешняя, опора многолюдства, опора сильной власти; опора влиятельной мысли, благоприятно для веры настроенной и т. п. Если же Россия, как сила православная, может быть дорога, в настоящее время, даже и японскому прозелиту, то, разумеется, она должна быть еще дороже русскому верующему человеку.*

Этот русский верующий человек должен бороться за веру и за Россию, насколько у него есть ума и сил» [8, с. 29].

В вопросе сохранения сильной государственной власти Леонтьев придает немаловажное значение и юридическому закону: «если [человек] не признает договора и внешней правды не любит, так надо за это сечь! ... когда станут точно так же вести себя целые десятки тысяч обыкновенных людей, то это станет нестерпимо» [6, с. 397]. Однако самым важным для Леонтьева в деле укрепления государства было сохранение национальных традиций и обычаев, разнообразия культурных форм, многоцветия общественных отношений и сословий, что, в понимании мыслителя, и составляло необходимую для процветания государства «эстетику жизни».

Рассматривая исторический период допетровской России, Леонтьев отмечал, что ей не хватало «общей сознательности» [3, с. 118]. Здесь он вторит мысли Хомякова, который также полагал, что «... в древней Руси разуму недоставало сознания» [11, с. 248], поскольку «свое, высокое и прекрасное, было неясно создано» [11, с. 254]. Что касается петровской эпохи, то если славянофилы оценивали в негативном ключе разъединение, возникшее в России между образованным обществом и простым народом вследствие преобразований Петра Великого, то Леонтьев, напротив, приветствовал разрыв между сословиями, полагая, что это полезно не только для сохранения разнообразия культурных форм, но и для последующей кристаллизации русского самосознания. Ведь, по его мнению, уменьшение влияния европеизированного высшего сословия на патриархальный народ помогло уберечь «простой народ в большей неприкосновенности» от воздействия на его сознание и быт европейских идей [См.: 3, с. 117]. А без «народной физиономии», как считал Леонтьев, в России «не может создаться своеобразная цивилизация» [3, с. 98]. И, с этой точки зрения, именно *безграмотный* русский народ в большей степени, чем образованная либеральная интеллигенция, сохранял русское культурное своеобразие и самосознание, именно он являлся хранителем «народной физиономии», которую нужно во что бы то ни стало сберечь [См.: 3, с. 98].

Леонтьев убежден, что сохранить дистанцию между патриархальным русским народом, «хранящим заветы старины», и европейски мыслящей интеллигенцией крайне необходимо, поскольку сближение образованных слоев, заимствовавших вкусы и взгляды европейской буржуазии, с народом, живущим в соответствии с традиционным укладом, может привести к уничтожению национального своеобразия и быстрому разложению российского государства. Поэтому в его политической теории каждому сословию отводилось свое, строго определенное место, что превращало общество в систему, основанную на принципах жесткой иерархии [13, с. 251].

Учитывая эти убеждения мыслителя, становится понятным его своеобразный подход к просвещению народа. Не возражая против грамотности в целом, Леонтьев выступал против обучения простого народа по западноевропейским образцам, поскольку, считал он, это погубит историческое лицо России, нивелируя ее отличия от стран Европы. Кроме того, Леонтьев был уверен, что образованные слои России еще не готовы взять на себя роль просветителя низших классов. Только когда высшее общество поймет ценность национального своеобразия и начнет относиться к нему бережно, когда «люди *англо-французского* воспитания сделаются *все* еще гораздо более славянофилами, нежели они сделались под влиянием нигилизма, польского мятежа и европейской злобы» [3, с. 119], можно было бы говорить об их интеллектуальной и духовной зрелости и готовности учить простой народ. Поручать воспитывать «святыню народного духа» либеральной, недостаточно подготовленной к обучению народа, интеллигенции он опасался [3, с. 121].

Таким образом, вопрос самосознания русского народа в политической теории К.Н.Леонтьева сводился тому, что каждый русский человек, отвергая образцы, навязываемые носителями

западноевропейских идей, должен четко понимать и принимать ценности своего духовного, национального и культурного своеобразия, стремиться сохранить это своеобразие от размывания под воздействием европейских теорий. По твердому убеждению мыслителя, необходимо всеми возможными способами останавливать наступление эгалитарно-либерального процесса в России. Для этого нужно вести борьбу против космополитической, стандартизированной европейской цивилизации, понижающей человека интеллектуально и духовно, сохраняя при этом традиционные начала и ценности и укрепляя Россию в ее самобытности, основанной на началах византизма. Согласно Леонтьеву, «настало время *реакционного* движения, *если не для всех, то, по крайней мере, до некоторых сторон жизни*» [5, с. 61]. Именно «реакция» призвана стать орудием спасения России от разлагающего влияния либеральных и нигилистических идей Запада.

Источники и литература

- 1) Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н.Леонтьев. — М., 2000.
- 2) Герцен А.И. «С того берега» // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 6. — М., 1955.
- 3) Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.1. — СПб., 2005.
- 4) Леонтьев К.Н. Кто правее? (письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву) // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.2. — СПб., 2009.
- 5) Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. Кн.2. — СПб., 2006.
- 6) Леонтьев К.Н. Письма к В.С. Соловьеву // К.Н. Леонтьев. Избранное. — М., 1993.
- 7) Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. — СПб., 2007.
- 8) Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.8. Кн.1. — СПб., 2007.
- 9) Преображенский П.Ф. А. Герцен и К. Леонтьев (Сравнительная морфология творчества) // Печать и революция. — М., 1922. № 2.
- 10) Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. — М. 2012.
- 11) Хомяков А.С. По поводу статьи И.В.Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т.1. — М., 1900.
- 12) Ширинянц А.А. Герцен в контексте русского революционаризма // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. Материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (Институт философии РАН 20-21 июня 2012 г.). — М. 2013.
- 13) Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. — М., 2011.
- 14) Ширинянц А.А., Мячин А.Г. Русская социально-политическая мысль XIX века: К.Н. Леонтьев. — М., 1995.